

Литрес ≡ Классика

Вильгельм Гауф

ЧЕЛОВЕК-ОБЕЗЬЯНА



Вильгельм Гауф
Человек-обезьяна

«ЛитРес»

1826

Гауф В.

Человек-обезьяна / В. Гауф — «ЛитРес», 1826

В немецкий городок Грюнвизель приезжает таинственный иностранец и запирается в старом доме, ни с кем не общаясь. Вскоре он объявляет, что к нему приехал племянник – молодой англичанин, которого он начинает обучать немецкому языку и танцам. Когда дядя наконец вывозит юношу в свет, горожане приходят в восторг от заморского гостя и начинают слепо подражать его странным манерам, не подозревая, кого на самом деле принимают в своём обществе.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Вильгельм Гауф
Человек-обезьяна

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

* * *



Господин! Я по происхождению немец и прожил в ваших странах слишком мало, чтобы мог рассказать персидскую сказку или забавную повесть о султанах и визирях. Поэтому вам уж придется позволить мне рассказать что-нибудь о моем отечестве, что, может быть, тоже немного позабавит вас. К сожалению, наши повести не всегда так важны, как ваши, то есть они говорят не о султанах и государях, не о визирях и пашах, которые у нас называются министрами юстиции и финансов, тайными советниками и тому подобное, а обыкновенно очень скромны и относятся к гражданам, если не говорят о солдатах.

В южной части Германии лежит городок Грюнвизель, где я родился и воспитывался. Это такой же городок как все. Посредине небольшой рынок с фонтаном, сбоку маленькая старая ратуша, вокруг рынка дома мирового судьи и именитейших купцов, а в нескольких узких улицах живут остальные горожане. Все знают друг друга, каждый знает, что где происходит, и если главный священник, бургомистр или врач имеют на столе одним блюдом больше, то уже в обед это знает весь город. После обеда дамы ходят друг к другу с визитом, как это называется, за крепким кофе и сладким пирогом беседуют об этом великом событии и заключают, что главный священник, вероятно, участвовал в лотерее и не по-христиански много выиграл, что

бургомистра можно «подмазать», или что доктор получил от аптекаря несколько червонцев, чтобы прописывать очень дорогие рецепты.

Вы можете себе представить, господин, как неприятно было такому благоустроенному городу, как Грюнвизель, когда туда приехал человек, о котором никто не знал, откуда он был, чего он хотел, чем он жил. Хотя бургомистр видел его паспорт, бумагу, которую у нас должен иметь каждый...

– Разве на улицах так опасно, – прервал раба шейх, – что вам нужно иметь фирман¹ своего султана, чтобы внушать разбойникам уважение?

– Нет, господин! – отвечал раб. – Эти бумаги не удержат ни одного вора, а это только ради порядка, чтобы везде знать, кто перед тобой.

Итак, бургомистр осмотрел паспорт и за кофе у доктора сказал, что хотя паспорт совершенно правильно визирован от Берлина до Грюнвизеля, но все-таки тут что-то есть, потому что этот человек имеет немного подозрительный вид. Бургомистр пользовался в городе величайшим уважением, и нет ничего удивительного, что с этих пор на иностранца стали смотреть как на подозрительное лицо. Да и его образ жизни не мог отклонить моих соотечественников от этого мнения. Иностранец нанял себе за несколько червонцев целый дом, стоявший до тех пор пустым, и привез целый воз странной утвари: печи, горн, большие тигли и тому подобное. С тех пор он стал жить только для одного себя. Мало того, он даже сам готовил себе обед, и в его дом не входила ни одна человеческая душа, кроме одного старика из Грюнвизеля, который должен был покупать ему хлеб, мясо и овощи. Но и он мог входить только в сени дома, а там уж иностранец принимал купленное.

Когда этот человек приехал в мой родной город, я был десятилетним мальчиком. Еще теперь я могу представить себе возбужденное им в городке беспокойство, как будто это произошло вчера. После обеда он не приходил, как другие, на кегельбан, а вечером не приходил в гостиницу, чтобы, как прочие, поговорить за трубкой табака о новостях. Напрасно бургомистр, мировой судья, доктор и главный священник поочередно приглашали его к обеду или кофе – он всегда извинялся и отказывался. Поэтому одни считали его за сумасшедшего, другие – за еврея, а третья партия упорно утверждала, что он колдун или чародей. Мне минуло восемнадцать, двадцать лет, и все еще этого человека называли в нашем городе иностранцем.

Но однажды случилось, что в город пришли какие-то люди с невиданными животными. Это был неизвестно откуда пришедший сброд, имеющий верблюда, который умел кланяться, медведя, который танцевал, и нескольких собак и обезьян, которые в человеческих платьях имели довольно комичный вид и выделывали разные штуки. Обыкновенно эти люди проходят по городу, останавливаются на перекрестках и площадях, поднимают на маленьком барабане и флейте неблагозвучную музыку, заставляют свою труппу танцевать и прыгать, а потом собирают по домам деньги. Но труппа, явившаяся в Грюнвизель на этот раз, отличалась огромным орангутангом, который величиною был почти с человека, ходил на двух ногах и умел проделывать разные искусные штуки. Эта комедия собак и обезьян пришла и к дому иностранца.

Когда зазвучал барабан и флейта, он сначала с очень сердитым видом показался за темными, тусклыми от старости окнами. Но скоро он сделался ласковее, выглянул ко всеобщему удивлению в окно и искренне смеялся штукам орангутанга. Мало того, за эту забаву он дал такую крупную, серебряную монету, что об этом говорил весь город. На другое утро труппа отправилась дальше. Верблюд должен был нести много корзин, в которых очень удобно сидели собаки и обезьяны, а погонщики животных и большая обезьяна шли за верблюдом. Но лишь только прошло несколько часов как они вышли из ворот, иностранец послал на почту, потребовал, к великому удивлению почтмейстера, карету и экстренных лошадей и выехал в те же ворота и по той же дороге, по которой направились животные. Весь городок досадовал, что

¹ Фирман – грамота или письменный приказ.

нельзя было узнать, куда он поехал. Была уже ночь, когда иностранец опять в карете подъехал к воротам. Но в карете сидел еще один человек, у которого шляпа была глубоко надвинута на лицо, а вокруг рта и ушей повязан шелковый платок. Заставный писарь счел своей обязанностью обратиться к другу иностранца и попросить его паспорт, но тот отвечал очень грубо, что-то проворчав на совершенно непонятном языке.

– Это мой племянник, – ласково сказал иностранец заставному писарю, сунув ему в руку несколько серебряных монет. – Это мой племянник, и до сих пор он еще мало знает по-немецки. Он только что немного выругался на своем наречии, что нас здесь задерживают.

– Э, если это ваш племянник, – отвечал заставный писарь, – то он может, пожалуй, въехать без паспорта. Он ведь, без сомнения, будет жить у вас?

– Конечно, – сказал иностранец, – и пробудет здесь, вероятно, довольно долго.

Заставный писарь больше не возражал, и иностранец со своим племянником въехали в городок. Впрочем, бургомистр и весь город были не очень довольны заставным писарем. Ведь ему следовало бы запомнить по крайней мере несколько слов из языка племянника. Из этого потом легко можно было бы узнать, что за уроженцы он и его дядя. А заставный писарь уверял, что это не было ни по-французски, ни по-итальянски, но, кажется, звучало так коротко, как по-английски. Если он не ошибается, то молодой господин сказал: «Goddam!» Так заставный писарь вышел из затруднения и дал имя молодому человеку. Ведь теперь в городке все только и говорили о молодом англичанине.

Но и молодой англичанин не показывался ни на кегельбане, ни в пивной, – он иначе занимал жителей. Часто случалось, что в доме иностранца, столь тихом прежде, раздавался ужасный крик и шум, так что народ толпой останавливался перед домом и смотрел в него. Тогда видно было, как молодой англичанин, одетый в красный фрак и зеленые брюки, с включенными волосами и ужасным видом, невероятно быстро бегал у окон взад и вперед по всем комнатам, а старый иностранец, в красном халате, с арапником в руке, бегал за ним. Иногда толпе на улице казалось, что он, должно быть, догнал юношу, потому что слышались жалобные крики страха и много щелкающих ударов кнутом. Дамы городка приняли такое живое участие в этом жестоком обращении с иностранным молодым человеком, что заставили наконец бургомистра вступить в это дело. Он написал иностранцу записку, в которой в довольно резких выражениях упрекал его в суровом обращении со своим племянником и грозил ему взять молодого человека под свою особую защиту, если такие сцены будут происходить и дальше.

Но как был изумлен бургомистр, увидевший, что к нему входит сам иностранец, первый раз в течение десяти лет! Старый господин стал оправдывать свой образ действия особым поручением родителей юноши, которые отдали ему своего сына на воспитание. Племянник вообще умный, способный юноша, говорил он, но ему очень трудно изучать язык; он так страстно желает научить своего племянника вполне свободно говорить по-немецки, чтобы потом осмелиться ввести его в грюнвизельское общество, а между тем язык дается ему так трудно, что часто нельзя сделать ничего лучше, как хорошенько отстегать его. Бургомистр счел себя вполне удовлетворенным этим объяснением, посоветовал старику умеренность и вечером в пивной рассказывал, что редко встречал такого образованного, благовоспитанного человека, как этот иностранец.

– Жаль только, – добавил он, – что он так мало появляется в обществе. Но я думаю, что когда его племянник будет хоть немного говорить по-немецки, он будет чаще посещать мои собрания.

Благодаря только одному этому случаю мнение городка совершенно переменялось. Иностранца стали считать благовоспитанным человеком, страстно желали познакомиться с ним поближе и находили вполне в порядке вещей, если иногда в пустом доме раздавался ужасный крик.

– Он дает племяннику уроки немецкого языка, – говорили грюнвизельцы и уже не оставались.

Спустя приблизительно три месяца обучение немецкому языку, по-видимому, закончилось, потому что старик пошел теперь вперед, ступенью дальше. В городе жил один старый, дряхлый француз, дававший молодым людям уроки танцев. Иностранец пригласил его к себе и сказал ему, что желает обучать своего племянника танцам. Он дал французскому понять, что хотя племянник очень способен, но, что касается танцев, немного упрям. Дело в том, что раньше он учился танцевать у другого учителя и притом по таким странным турам, что теперь ему нелегко появиться в обществе. Но именно поэтому племянник считает себя великим танцором, хотя его танцы не имеют ни малейшего сходства с вальсом или галопом (это, господин, танцы, которые танцуют в моем отечестве), даже не имеют сходства с экосезом или франсезом. Впрочем, иностранец обещал по талеру за урок, и танцмейстер с удовольствием согласился взять на себя обучение упрямого воспитанника.

Как француз уверял по секрету, на свете не было ничего столь странного, как эти уроки танцев. Племянник, довольно высокий, стройный молодой человек, у которого только ноги были, пожалуй, очень коротки, являлся в красном фраке, хорошо причесанным, в широких зеленых брюках и лайковых перчатках. Он говорил мало и с иностранным акцентом, сначала был довольно послушен и ловок, но потом часто вдруг пускался в безобразные прыжки и танцевал отчаяннейшие туры, причем делал антраша, так что ошеломлял танцмейстера. Если последний хотел показывать ему, то племянник снимал с ног красивые танцевальные башмаки, бросал их французскому в голову и скакал по комнате на четвереньках. При этом шуме внезапно выбегал из своей комнаты старый господин в широком красном халате, с колпаком из золотой бумаги на голове, и довольно сильно бил племянника по спине арапником. Тогда племянник начинал страшно выть, вскакивал на столы и высокие комоды, даже на переплеты оконных рам, и говорил на неизвестном, странном языке. Но старик в красном халате не смущался, хватал его за ногу, стаскивал, колотил и посредством пряжки туго затягивал ему галстук, после чего племянник всегда делался опять послушным и вежливым, а урок танцев беспрепятственно шел дальше.

Когда же танцмейстер довел своего воспитанника до того, что к уроку можно было брать музыку, тогда племянник как бы преобразился. Наняли городского музыканта, который должен был садиться на стол в зале пустого дома. Танцмейстер изображал тогда даму, для чего старый господин давал ему надевать шелковую юбку и ост-индскую шаль. Племянник приглашал его и начинал с ним танцевать и вальсировать, но он был неутомимым, бешеным танцором и не выпускал учителя из своих длинных рук, хотя тот стонал и кричал. Он должен был танцевать, пока не падал в изнеможении или пока у городского музыканта на скрипке не отнималась рука. Эти часы преподавания чуть не сводили танцмейстера в могилу, но талер, который он каждый раз аккуратно получал, и хорошее вино, которым угощал его старик, всегда заставляли его опять приходить, хотя за день до этого он твердо решал не ходить больше в этот дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.